

А.А. Токарев*, Н.Ф. Бодров**

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ, СТИМУЛИРУЮЩИХ АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Ключевые слова: криминология, интертекст, синдром Вертера, спусковой крючок, триггер, теория установки, СМИ, преступление.

A.A. Tokarev, N.F. Bodrov. Criminological and Forensic Approaches to the Study of Mass-Media Publications which Provoke Deviant Behavior

The authors of the article seek to study and use in criminology a phenomenon, which can be called a 'trigger'. For the purpose of the article triggers can be defined as the units of information, which can provoke a person to commit a crime (criminogenic trigger) or keep one from that step (criminorepulsive trigger).

Achievements of suicide prevention specialists who developed efficient measures for Verter effect prevention can be presented as a good example of successful trigger finding.

Trigger impact is analyzed (in accordance with Set theory by D. Uznadze) at the different stages of criminal behavior (V. Kudrjavcev, A. Dolgova): 'motivation formation,' 'making up the decision and planning,' 'decision implementation (committing the crime)' and 'after-crime behavior.'

The linguistic study of criminological triggers is based on the conception of Intertextuality. Intertextuality can be used for persuasion of recipients and helps the author to call to well-known and estimated circumstances which are similar to the given.

Средства массовой информации оказывают воздействие на преступность – это очевидный, можно сказать, неоспоримый факт для большинства специалистов. Действительно, СМИ, имея колоссальный охват аудитории, являются основным источником получения информации об окружающем нас мире.

В настоящей статье делается попытка найти подходы к исследованию и использованию в криминологии явления, которое можно предварительно назвать термином «спусковой крючок» или «триггер».

Под «триггерами»¹ следует понимать некие раздражители (словесные, визуальные, аудиальные и иные), способные вызвать в человеке цепь переживаний, стимулирующих значимое для криминологии поведение. Иными словами триггеры обладают потенциальной способностью спровоцировать преступление или, наоборот, остановить лицо от его совершения.

---

* Аспирант Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. [Artyguy@mail.ru]

** Аспирант Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. [bodrovnf@gmail.com]

¹ От англ. *trigger* – спусковой крючок.

Физиологическая основа данного явления была разработана в теории условного рефлекса И. П. Павлова². Исследовались внешние раздражители, стимулирующие определенную внутреннюю реакцию – физиологическую или эмоциональную.

Результаты исследования нашли отражение и получили дальнейшее развитие в самых различных теориях, в том числе – психологических, лингвистических, психо-лингвистических и др. На практике положения данных теорий активно используются СМИ.

Например, стимул, который связан с физиологическим состоянием и запускает его в нейролингвистическом программировании, называется якорем³. Вербальные якоря используются в текстах средств массовой информации и особенно активно – в рекламных текстах.

В суицидологии в настоящее время широко исследована проблема так называемого эффекта Вертера, сущность которого заключается в том, что информация о суициде может стать причиной возникновения новых суицидов.

Известно западной криминологии и явление «копированных преступлений». Многие российские криминологи отмечали, что СМИ формируют общественное сознание (В.Е. Эминов, В.Н. Кудрявцев, А.И. Долгова, Г.Н. Горшенков и многие другие). Очевидно формирование общественного сознания – это довольно длительный процесс, тогда как проявление эффекта «копированных преступлений» происходит почти молниеносно. Сопоставляя эти два положения, можно предположить, что воздействие СМИ на преступность может быть двух видов – длительное, при котором формируется сознание и определенная установка и мгновенное, то есть такое, какое мы видим при эффекте «копированных преступлений».

Если в качестве отправной точки взять теорию установки, разработанную советским ученым Д.Н. Узнадзе, то первое воздействие можно отнести к воздействию, которое формирует установку, а второе – к воздействию, которое ее актуализирует. Получается, что установка к этому моменту уже сформирована, а СМИ лишь запускают механизм ее реализации. Иными словами информация СМИ является как бы «спусковым крючком». Представляется, что можно выделить две категории триггеров – провоцирующие (криминогенные) и предупреждающие (криминорепульсивные). В то же время уместно предположить, что сходный механизм существует и для потенциальных жертв преступления, так как существуют триггеры, как повышающие виктимность, так и снижающие ее.

В механизме преступного поведения, указанного В.Н. Кудрявцевым⁴, преступность – это результат сложного взаимодействия внешней ситуации и конкретной личности, которая, в свою очередь, также сформировалась под воздействием тех или иных условий внешней среды. Таким образом, триггеры в матери-

---

² См.: Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. 1–6. М., 1951.

³ См.: О'Коннор Д., Сеймор Д. Введение в нейролингвистическое программирование. М., 2005.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 2007. С. 140.

алах СМИ являют собой лишь один из элементов сложного механизма внешнего воздействия, который, однако, достаточно значим для того, чтобы его изучать.

Справедливости ради следует отметить, что внешнее воздействие включает в себя не только воздействие со стороны СМИ, но и воздействие со стороны ближайшего окружения – друзей, коллег по работе, родителей, иных родственников. Некоторые, в частности Эдвин Сазерленд и его последователи, вообще нивелировали воздействие СМИ на преступность, считая, что научение преступности происходит исключительно в малой социальной группе.

В значительной степени понятие «триггер» было разработано в таком популярном направлении практической психологии, как психология рекламы. В рекламе в качестве триггера обычно выступает определенный бренд. Когда зритель видит этот бренд, то происходит «спуск» определенной цепи ассоциаций. Например, человеку при виде логотипа ресторанов МакДональдс (в данном случае это и есть триггер) вдруг приходит на ум слоган «Что я люблю» и желание пойти в это заведение быстрого питания. Если триггером является «Форд», то вспоминается «Форд – Превосходя ожидания», «Нисан» – «Управляй мечтой» и др.

Однако совершенно необязательно триггером могут являться только рекламные слоганы. Например, слово «Горбатый» произнесенное с соответствующей интонацией, может стать триггером для фразы «Горбатый! Я сказал, Горбатый» из фильма братьев Вайнеров «Место встречи изменить нельзя». А эта фраза паровозом потянет за собой целый ряд ассоциаций, восходящих к образам из этой картины эпизодам, героям. Два слова «Семен Семеныч» способно заставить человека вспомнить ситуацию, обыгранную в фильме Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука».

В то же время следует учитывать, что «триггеры» будут различным образом действовать на разных людей. Например, один человек, услышав слово «собака» или увидев это животное, вспомнит щенков или своего питомца и испытывает приятные эмоции, а кто-то вспомнит, как его в детстве покусала соседская овчарка и разозлится или испугается, а кто-то подумает о своей умершей собаке и испытает чувство сожаления.

Кроме того, следует учитывать, что триггеры завязят также и от территории, на которой проживает реципиент информации. То, что является триггером в Москве, совершенно не обязательно будет триггером (с тем же эффектом) в Санкт-Петербурге и уж тем более в Париже.

Однако это лишь подводные камни, которые, как представляется, следует учитывать, чтобы не допустить чересчур простых выводов. Вместе с тем практический смысл их изучения заключается в возможности разработать критерии выявления триггеров и обнаружить, и описать некоторые из них, обладающие наиболее широким влиянием.

Определенные наработки уже имеются у исследователей, занимающихся вопросами предупреждения суицидов. В частности, в Рекомендациях ВОЗ по освещению случаев суицида, которые были подготовлены специально для журналистов, указывалось, например, что не следует выносить в заголовок термин «суицид». То

есть в терминологии данной статьи слово «суицид» или «самоубийство» в заголовке являлось «триггером», способным спровоцировать реципиента информации лишиться себя жизни. В этом документе также рекомендуется не использовать парадоксальные заголовки вроде «школьник повесился из-за двойки по математике».

Таким образом, парадоксальный и скандальный заголовок признается своеобразным триггером. К триггерам, следовательно, можно отнести и фотографии места совершения самоубийства или подробное описание этого места или механизма причинения смерти.

Очевидно, что для выявления таких триггеров потребовалось провести большую работу, результаты которой следует рассматривать как своеобразный образец, маяк, который, по-видимому, следует иметь в виду и криминологам.

На данном этапе можно отметить, что триггеры – *это единицы информации, которые вызывают переход лица от одного этапа механизма преступного поведения на другой, причем как «к преступлению» (криминогенные триггеры), так и «обратно» – криминорепульсивные триггеры).*

Представляется уместным рассмотреть возможные воздействия триггеров на различных этапах преступного поведения, механизм которого был разработан В.Н. Кудрявцевым и дополнен А.И. Долговой. Этот механизм состоит из четырех стадий: формирование мотивации, принятие решения и планирование преступления, исполнение решения (совершения преступления) и посткриминальное поведение.

Мотивация – процесс возникновения и формирования мотива. *Мотив поведения* — это внутреннее побуждение к действию, желание, определяемое потребностями, интересами, ценностными ориентациями, чувствами, возникшими и обострившимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации.

При этом хочется подчеркнуть, что сами по себе мотивы не являются преступными – желание прославиться или быть богатым сами по себе не несут в себе криминогенного заряда. Вместе с тем методы, которые избрал индивид для достижения своего идеала, и конкретные цели, которые он наметил на этом пути, могут содержать в себе деяния, нарушающие уголовно-правовой запрет.

В данном случае уместно вспомнить теорию Роберта Мертона, который вывел причины преступности из противоречия между целями и средствами. С точки зрения Р. Мертона, выделяется пять основных позиций:

Позиция успеха, при которой человек усвоил как социально-одобряемые цели (престиж, богатство), так и осознал ограничение в средствах.

Вторая позиция, при которой человек усвоил лишь ограничения в средствах, хотя сами по себе цели ему являются чуждыми. Например, человек привык к тому, что надо работать, чтобы зарабатывать деньги. Однако никаких внятных для себя целей он не усвоил, ему в принципе не нужен дорогой дом, он не хочет, чтобы о нем писали в газетах или показывали по телевизору.

Третья ситуация описывает случай, когда человек очень хорошо усвоил и принял для себя цели, однако все ограничения в средствах прошли «мимо него». Такой человек вполне способен совершить преступления ради достиже-

ния целей. Весь вопрос будет в мере его отрицания ограничения в средствах. Например, человек может быть готов покуситься на собственность, однако человеческая жизнь все же останется для него высшей ценностью. А может и не признать даже значимость жизни⁵.

Четвертая ситуация описывает случаи, когда человек не признает ни целей, ни средств, удаляясь от мира, и нередко такие люди пополняют армию бродяг.

Пятый случай описывает положение вещей, при котором индивид выражает протест, как против целей, так и средств.

Таким образом, на этапе мотивации можно выделить две категории триггеров. Триггеры, которые указывают лицу на определенные блага как на социально значимые и вместе с тем указывают на то, что их получить можно *исключительно* преступным путем («жесткие криминогенные триггеры»). А также триггеры, которые, обозначая лицу определенные блага в качестве значимой цели, указывают на *возможность достижения этой цели любыми*, в том числе и преступными средствами («мягкие криминогенные триггеры»).

К криминопугливным триггерам на данном этапе можно отнести триггеры, которые указывают лицу на недопустимость использования преступных методов для достижения определенных социально-полезных целей под страхом наказания из-за их несоответствия моральным нормам, невыгодности или жалости к своим родным или жертве и призывают к активной борьбе с любыми попытками оправдания преступного поведения со стороны других лиц («жесткие криминопугливые триггеры»).

В свою очередь, к «мягким криминопугливным триггерам» можно отнести триггеры, которые указывают на невыгодность преступного пути для достижения определенных социально значимых целей исключительно для самого субъекта.

При принятии решения о совершении преступления происходит прогнозирование возможных последствий реализации возникшего умысла, планирование поведения с учетом реальной обстановки, собственных возможностей и других обстоятельств, а также выбор средств.

Как правило, после формирования установки на определенное поведение наступает некоторая задержка. Человек не действует сразу в соответствии с этой установкой, а соотносит ее с существующими в обществе моральными, правовыми и иными нормами, с общественным и групповым мнением, с мнением близких лиц. Кроме того, он учитывает объективные факторы, в том числе состояние внешнего социального контроля (систему охраны объекта или состояние учета на предприятии и т. п.). Принимается во внимание также практика выявления, пресечения преступления, наказания виновных.

На стадии принятия решения триггер может убедить потенциального преступника в том, что наказание за замышляемое преступление неизбежно, либо убедить в слабости закона и неэффективности правоохранительной деятельности.

---

⁵ О ранжировании преступников по их отношению к высшей ценности – жизни, о чем писали, в частности, Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов (см.: Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М., 2010).

Триггеры также могут заставить лицо, задумавшее совершить преступление, подумать о родителях, иных родственниках или друзьях, которые будут страдать в случае наказания⁶, о жертве, либо об ее родственниках.

На данной стадии взвешиваются возможные выгоды и потери от преступления. Наблюдения показывают, что при задержке принятия решения может произойти отказ от совершения преступления, например, в результате осведомленности (*криминорепульсивный триггер*) о том, что такого рода преступления раскрываются, и виновные привлекаются к строгой ответственности.

В ряде случаев механизм преступного поведения носит так называемый свернутый характер: акта задержки нет, и человек сразу действует в соответствии с возникшей у него установкой. Принятие решения и выбор средств происходят мгновенно либо под влиянием ситуации, либо в результате воспроизведения ставших для данного лица привычными способов поведения в аналогичных обстоятельствах, либо под воздействием соучастников. Представляется, что в таких ситуациях сильные криминогенные триггеры могут оказывать на лицо самое сильное воздействие. При сокращении времени между стадией принятия решения (зачастую импульсным) и последующей стадией – совершения преступления проходит слишком мало времени для того, чтобы успели «включиться» рациональные регуляторы. Это актуализирует существующие у лица установки, которые, в соответствии с теорией Д.М. Узнадзе⁷, не осознаются человеком.

Важно отметить, что свернутый механизм преступного поведения отмечается нередко у несовершеннолетних, лиц с невысоким уровнем интеллектуального развития либо отличающихся импульсивностью. Также это характерно для лиц, находящихся в нетрезвом состоянии. Свернутый механизм преступного поведения встречается также в сложных, необычных для данного человека ситуациях, требующих быстрого реагирования. Тогда стадии мотивации, принятия и исполнения решения практически совпадают. Таким образом, криминогенные триггеры, содержащиеся в СМИ или, например, в Интернет-ресурсах, не являющихся СМИ, вызывают к жизни скрытые и подавленные желания субъекта, нейтрализуя криминорепульсивные комплексы сознания.

Для криминорепульсивных триггеров характерно длительное воздействие, при котором у человека формируются определенные внутренние ограничения, в то время как для криминогенных триггеров результативным чаще оказывается импульсное воздействие, при котором человек сразу совершает общественное опасное деяние под воздействием криминогенного триггера. В то же время сложно представить себе ситуацию, когда человек отказывается от преступного плана после кратковременного воздействия на него криминорепульсивного триггера.

Вслед за принятием решения наступает стадия его реализации, на которой фактически происходит исполнение преступного замысла. Представляется, что воздействие триггеров на данной стадии будет более слабым, чем на других стадиях.

---

⁶ Об этом, в частности, писал С.В. Познышев в работе «Криминальная психология».

⁷ См.: Узнадзе Д.М. Экспериментальные основы психологии установки. М., 1949.

На этапе посткриминального поведения преступник анализирует произошедшее, наступившие последствия, принимает меры к тому, чтобы воспользоваться «плодами» своего преступления (например, реализовать похищенное имущество и прочее) а также к тому, чтобы избежать уголовной ответственности и наказания (угрозы, устранение свидетелей, подкуп сотрудников правоохранительных органов).

При анализе содеянного и наступивших последствий происходит сравнение достигнутого с желаемым. Все это вновь соотносится с нормами морали, права, общественным мнением, групповыми оценками. Человек может либо раскаиваться в содеянном (в том числе в результате такого раскаяния явиться с повинной), либо осуществляет противодействие расследованию.

Речь идет не только о фактической защите путем сокрытия следов преступления, устранения свидетелей и т.п. Кстати, эти действия порой планируются при принятии решения и являются неотъемлемой частью способа совершения преступления. Но не меньшее значение имеет и система психологической защиты, выработка защитных мотивов.

В литературе описываются комплексы механизмов психологической самозащиты. Преступник может оценивать себя в качестве жертвы (детство было трудным и т.д.). Встречается облагораживание собственных побуждений и целей поведения, ссылки на то, что он поступал так не один («а кто не ворует?»), что «иначе не проживешь», что поступил просто откровеннее и смелее окружающих («другие думают так же, но боятся»), что причиненный вред фактически невелик, и сам привлекаемый к ответственности терпит большие неудобства, чем потерпевший. Защитные мотивы, по существу, имеют те же истоки, что и побудительные, коренятся они в одних и тех же личностных характеристиках⁸.

Следовательно, анализируя защитные мотивы можно ретроспективно выявить и те триггеры, которые спровоцировали (участвовали в провокации) лицо на совершение преступления. Для этого необходимо *post factum* интервьюировать преступника с помощью специалистов в области криминологии, психологии и психиатрии.

С учетом отмеченных оговорок, касающихся роли СМИ и информационного воздействия на механизм конкретного преступления, и с учетом индивидуализированного влияния триггеров на человека можно сделать попытку выделить некоторые общие принципы воздействия триггеров.

Представляется, что для решения данной задачи следует обратиться к лингвистике для обнаружения и выработки последовательной методики выявления триггеров. Рассмотрим теперь возможности применения специальных знаний в области лингвистики для определения существенных характеристик триггеров и их выявления в материалах СМИ.

Отправной точкой в рассмотрении лингвистического понимания криминологического триггера является понятие «интертекст».

---

⁸ См.: Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979; Васильев В.Л. Юридическая психология. Л., 1991; Романов В.В. Юридическая психология. М., 1998.

Интертекстуальность – наличие между текстами связей, благодаря которым они могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Используя средства интертекстуальности, автор апеллирует к известным фактам, ситуациям.

Из обширной классификации интертекстуальных элементов, предложенных Н.А. Фатеевой, можно выделить следующие: цитата, аллюзия, эпиграф, языковая игра.

В связи с тем, что предметом исследования данной статьи являются аспекты понимания триггеров, необходимо обратить внимание прежде всего на:

- понимание интертекстуальности как одного из механизмов функционирования триггеров в тексте;
- вариативность восприятия триггера, обусловленную индивидуальностью языковой личности – реципиента;
- «точки пересечения» задач судебной лингвистической экспертизы и процесс выявления криминологических триггеров.

Рассмотрение триггеров с позиций интертекстуальности является лишь одним из аспектов их функционирования. Рассмотрение интертекстуальности необходимо потому, что представители криминологической науки для описания триггеров ссылаются на прецедентные тексты, рекламные слоганы.

Рекламные слоганы строятся во многом по модели прецедентного текста. Прецедентный текст, по Ю.Н. Караулову, – реминисценция (воспроизведение) от одного слова до текста.

Прецедентными текстами являются значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях тексты, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие обращения, к которым обращаются неоднократно в дискурсе данной языковой личности⁹.

Исходя из самого понимания триггеров следует, что текст СМИ, их содержащий, обладает суггестивной (внушающей) направленностью. С целью достижения коммуникативной цели текст СМИ содержит: экспрессивную лексику, оперирует значимой общеизвестной информацией, предназначенной для широкого круга реципиентов, с целью формирования и усвоения определенной ценностной установки. Оценивая каждую установку с точки зрения правовых норм, следует, очевидно, судить о ее криминогенности или криминорепульсивности.

Интертекстуальность, использование прецедентных текстов используются в текстах СМИ для убеждения, помогают в своих рассуждениях сослаться на авторитетные, широко известные, ранее оцененные события, схожие с описываемыми. Тем самым происходит осуществление функции референции.

В случае, когда суггестивная интенция (направленность) не выражена средствами интертекстуальности, следует обратиться к инструментарию судебной лингвистической экспертизы, предназначенному для поиска суггестивных конструкций.

---

⁹ См.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 216.

В поисках точки пересечения задач судебной лингвистической экспертизы и процесса выявления криминологических триггеров мы не ставим перед собой задачу подробного описания сравнительного анализа. В рамках, ограниченных пределами данной статьи, мы пробуем силы лишь в постановке проблемы.

На наш взгляд, в выявлении криминологических триггеров и судебно-лингвистическом исследовании есть два общих момента. Во-первых, поиск криминологических триггеров и судебно-лингвистическое исследование текстов (в рамках некоторых задач) направлены на выявление суггестивных компонентов в материалах СМИ. Во-вторых, оба вида исследований происходят в юридической сфере и обусловлены целями юридической науки (раскрытие, расследование и предупреждение преступлений и др.).

Особенности поиска суггестивных компонентов с позиций решаемых судебной лингвистической экспертизой задач, следует рассмотреть на примере выявления призывов. Пожалуй, в наиболее сильной позиции триггер оказывается в случае, если он присутствует в тексте СМИ в форме речевого акта призыва.

Призыв – наиболее радикальная и открытая форма словесного воздействия на поведение человека¹⁰. М.А. Осадчий выделяет различные типы призывов:

Открытые:

Прямые – «императив + форма адресата». Примером такого призыва будет: «Граждане! Избавим Москву от (представителей определенной национальности)».

Косвенные – без форм глагола с побудительным значением. Например: «Нужно избавиться от (представителей определенной религии)».

Скрытые – в которых императивная форма отсутствует: «Папа, ты защитишь меня от (представителей определенной национальности)?».

Помимо грамматических маркеров, для выявления призывов можно использовать структуру речевого акта призыва¹¹:

- а) Хочу, чтобы было X.
- б) Знаю, что X не может произойти само.
- в) Знаю, что если делать Y, то, возможно, что будет X.
- г) Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было X.
- д) Знаю, что если буду говорить тебе, что необходимо, чтобы было X, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было X.
- е) Говорю тебе: необходимо, чтобы было X.
- ж) Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было X.

Анализ наличия/отсутствия и соотношения данных частей помогает установить тип призыва в конкретном тексте. Порядок выявления призывов достаточно полно описан в литературе, посвященной судебной лингвистической экспертизе¹².

¹⁰ См.: *Осадчий М.А.* Правовой самоконтроль оратора. М., 2007. С. 57.

¹¹ См.: *Бринева К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009. С. 140.

¹² См., например: *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М., 2007.

В связи с описанием некоторых аспектов выявления средств интертекстуальности и призывов закономерно возникает вопрос о том, понимает ли имеющиеся триггеры каждый читатель, и если понимает, то, наверное, каждый по-разному?

Действительно, большое значение для функционирования триггеров всегда имеет индивидуальный характер восприятия. Таким образом, языковое сознание не может рассматриваться как единый шаблон, одинаковый у всех носителей языка. Однако нельзя и отрицать тот факт, что существуют общие закономерности восприятия. Эти закономерности обуславливаются наличием определенной языковой картины мира, формируются в рамках культуры, социальных и национальных традиций. Учет этих факторов особенно важен для адресанта текста СМИ, имеющего дело, хотя и с массовой, но все-таки, с целевой аудиторией.

Вне зависимости от индивидуального восприятия при определении характера триггера мы, очевидно, как и при решении задач судебной лингвистической экспертизы, должны руководствоваться «юридическим решением».

Сущность данного термина с учетом задач судебной лингвистической экспертизы достаточно полно описал К.И. Бринев, рассуждая о «Дуализме фактов и решений», – «правовая норма – это решение о линиях поведения, но не указание на истинные или неистинные явления, а формулировка того, какие совокупности фактов будут считаться запрещенными, а какие разрешенными. Таким образом, противопоставление юридического или лингвистического проходит не в аспекте истина / ложь, но в аспекте решение и факт. Когда судья или следователь назначает экспертизу, то целью данного процессуального действия является установление фактов, которые согласно правовой норме необходимо выявить, чтобы принять легитимное решение». На сходных позициях следует основываться и при определении характера триггера.

Подводя итог попыткам комплексного изучения триггеров, следует отметить, что исследования криминологической науки на современном этапе довольно близко подошли к изучению роли СМИ в воздействии на преступность. Важный вклад в изучение данного вопроса может внести теория триггеров. Криминологическое понимание триггера основывается на фундаментальных открытиях медицины, психологии и других наук. Дальнейшее привлечение новых отраслей знаний с целью изучения триггеров сможет, на наш взгляд, существенно дополнить как криминологические, так и другие теории изучения и противодействия преступности. Некоторые перспективы изучения триггеров содержат разработанные подходы судебной лингвистической экспертизы. Возможности данного направления могут быть, на наш взгляд, эффективно использованы для изучения материалов СМИ на предмет наличия в них криминально-репульсивных и криминогенных триггеров. В данной статье была предпринята первая попытка очертить некоторые аспекты использования судебно-экспертных подходов для изучения триггеров. Дальнейшее рассмотрение данной проблемы должно стать предметом более подробного исследования.